

ранство надобно уметь. То, что когда-то в период возникновения "малой сцены" казалось очевидным партнеру (он же раек) прециозностью, сегодня открывається совершенно иначе. У камерности свои законы и свои пороги. Виден полет, однако, видны и мускульные усилия. Крушный план не всем актерам под силу. Маленькая ложь, неизбежно попадая в крушный план, разрушает тот тип взаимоотношений, какой необходимо в театральной камнате. Стиль естественного взаимодействия перва жизни — и игры, легкого ее дыхания проясняется от спектакля к спектаклю. Это, этот режиссерский стиль, похожий, и позволяет Театру на Покровке держать атмосферу бережного доверия как к персонажу той или иной пьесы, так и к зрителю. Перед нами открывається театр-дом. Театр одухотворенного расчета.

— Получаете ли вы подтверждение, что вас понимают? Ваш зритель — кто он?

— Получаю, неявное, конечно, но существует уровень внутреннего реагирования. В критике, при том, что было много статей, разных передач, интервью, есть признание, — все же присутствует момент непонимания, мало точного попадания. Это некий общий процесс, тут дело не только в моих спектаклях. Критика сейчас какают-то безликая-холодная, заинтересованности настоящей нет. Вообще ответная реакция, зрительская обратная связь — что это? В кино — одно. В эстрадном шоу — другое. Я думаю, в театре главное — эмоционально заразить зрителя, пробраться к глубинным пластам реагирования, к внутреннему смеху или внутреннему плачу, как бы озвучить это. Освободить энергию творчества, энергию сопереживания и в зрителе тоже, а не только в актере, — дело нашего театра.

Мы обязаны открыть в зрителе некие духовные шлюзы, зрителю необходима в театре такая же самореализация, которая требуется обычно от актера. В театральной игре участвуют обе стороны. Зрители, в чем многие признавались и мне и нашим актерам, чувствуют на спектаклях забытое — восхищение, восторг, блаженство, какой-то взлет. Нам это и важно — увлечь зрителя, найти точки доверия, откровения. Нередко у нас на спектаклях плачут. Даже немцы, не понимая по-русски, даже арабы, вообще плохо все понимая (мы возили в Каир "Месяц в деревне"), — плакали. Для кого-то это сентиментальность. Для меня — путь самореализации зрителей. Откуда я знаю, может, кто-то из них через пять лет ступит на нашу сцену. Все одновременно и актеры, и зрители. Мир трагичен и для одних, и для других. И восхитителен. Да! Смех и слезы на наших спектаклях и есть первый признак, что меня понимают.

У Театра на Покровке множество зарубежных призов. Он с успехом играл в Мюнхене и Варшаве, Турине и Марселе. Его видели Брянск, Орел, Ялта, Тюмень, Екатеринбург. Сергей Арцибашев и его театр в 1995 году получили главный приз (были и многие другие) в Фестивале на Дону на Первом Российском фестивале русской комедии. Они показали спектакль "Ревизор", еще одну значительную работу режиссера по классике.

— Сергей Николаевич, вас не на-

стораживает единодушное восхищение постановкой "Ревизора"? Режиссеры вашего поколения, к примеру, Мирзоев, Някрошюс, да и ваши любимые режиссеры, по-моему, терпели поражения в столкновении с Гоголем.

— Не настораживает, Елена Ивановна. Да и нет никакого единодушного восхищения. Всем нам сейчас не хватает заряда положительных эмоций. Мы говорили о зрительском восприятии. На "Ревизора" ходит зритель искушенный, если хотите, элитарный. Он многое видел, его на мякине не проведешь. Но в успехе тоже хочется разобраться. Я не сатиру на наше общество ставил, я ставил спектакль о людях, в которых разыграли страсти. Тут главный герой — страх, так у Гоголя. Страх грехов, страх наказания за то, что все несправедливо. Не только у чиновников, у мамы и дочки тоже. Линия не сатирическая, а человеческая. И опять-таки, уверен, трагифарсовая. Умом они понимают, что перед ними фитюлька, но справиться со своим страхом им не под силу. А Хлестаков, провоцирует их: неужели вы это можете терпеть? Он явно, сознательно хулиганит, до какой же черты-границы вы меня допустите? Как в жизни: играем, играем — до чего доиграемся? Это смешно, но и стыдно: ради чего играли-то, ради чего терпели бесподобное хулиганство? И — пауза. И — остановка. И человек неизбежно задумывается. Как наш Городничий. Мне и важен момент отрезвления от шальной игры, момент очищения от страха.

Что касается актуальности, то живущий сегодня никуда от нее деться не может, даже если б очень захотел. Конечно, дело не в прямых грубых аллюзиях. В самом гоголевском тексте заложено много такого, что сегодня "выстреливает" в сторону политики. У меня не было специальной мысли: поставлю о чиновниках, о фитюльках, которые стали ревизорами взаправду. Все о людях. О глубине каких-то кардинальных сдвигов в душе.

Осенью 1996 года Театр на Покровке на гастролях в Польшу показал пьесу Арцибашева по Гоголю: "Ревизор" и "Женитьба", последнюю премьеру театра с И. Костоловским, М. Филипповым, Р. Джабраиловым, И. Ульяновой, приглашенным с большой сцены на малую не безумства. Мы, прибуя прощания за небольшую сцену, попривыкли к "даму Гоголям": либо обличительно-бытовому, либо сверхавангардному. Поляки приречены к Гоголю единственному — грубо шаржированному. Польская пресса не могла не рожьдаться в новой гоголяне 90-х объективное: художественную убедительность режиссуры, своеобразие, необычность стиля, а также психологическую экзентрику актерской жизни на сцене. Эти открытия ошеломили всех и сразу. Зрители были потрясены вибрацией страждущей души в карикатурных дураках, гротескных типах, души несчастной, искверканной, но не омертвевшей. "Новый" Гоголь — о живых душах.

А "Женитьба" — продолжение заветных арцибашевских тем. Тут столкновение мечты и действительности, праздника и печали, истинных чувств и поддельных. Тут яркая жажда объединения одиноких, никому не нужных людей в чистоте, искренности, в любви друг к другу. Любя, которая манит, да никак не может случиться. Страшна тут нежность и нежен страх. И человек-товар — человек-каприз. Все непонятно в отношениях между людьми, страшно. И снова хочется разгадать каждого. Впрочем, оставим "Женитьбу" для отдельного разговора, тем более газета писала о ней. Вернемся к "Ревизору". В этом пункте мы с режиссером недоспорили. Мне-то кажется, что Сергей Арцибашев таким "Ревизором" возрождает в русском театре высокую сатиру. Не в споре, однако, суть.

Главное в художественной цельности, отделеке едва ли не каждого эпизода, любой мизансцены, работающих на смысловую пьесу. В том, как придуман и исполнен "Ревизор" на Покровке (а я видела спектакль и в Ростове на фестивале, и на упомянутых гастролях в Варшаве и Познани), можно принимать или не принимать многое. Ска-

жем, очень смелый и очень страшный "похмельный зачин". Но вот первое появление Осипа в дверях. Он голоден и поглаживает оградными руками живот. Так беременная женщина обдаживает себя, успокаивая внутри разбухшиеся дитя. Вдруг, исчезая, открывая пространство проема, подсвеченного свинцовым туманом-светом, Осип как бы оставляет вместо себя маленького мальчика-карикатурку. Только что родившийся человек в высоком цилиндре, растопыренные ноги, долго-долго раскачивается в пространстве, пытается обрести равновесие, туно смотрит на всех и долго молчит.

В спектакль входят ужас и сострадание. Угадана гоголевская фантазмагория, то, что, быть может, есть изюминка театральности Гоголя. Червячок-человек, эта трихина — в любом из нас, не только в тех, кто будет представлять перед нами необыкновенную историю. Человеческий страх рождается в каждом, он выходит или не выходит на волю, но мучает каждого. Вот и зеркало. И смех сквозь слезы. Над кем, действительно, смеется? А ужас и сострадание приводят следом на сцену понятие греха и возмездия, покаяния и очищения, воскрешают целый пласт евангельских мотивов, идею Страшного суда и многое другое.

Четвертая "серия" арцибашевского цикла — "Таланты и поклонники" — не случайна в репертуаре театра по многим причинам. Еще в 1992 году Сергей Арцибашев поставил спектакль, посвященный Марине Цветаевой — "Пленный дух". Он и сегодня идет как рассказ о трагедии поэтического дара в бездарном мире, об одиночестве художника. "Актерская" пьеса Островского отчасти продолжает тему: талант и его хрупкость в циничном окружении; искушение, успех и терпение. В этом спектакле есть вера в то, что жизнь, нормально дышащее современное театру зависят, сколько от отношения поклонников, меценатов к таланту, столько же и от отношения таланта к самому себе. Эта чистая поэма о достоинстве актера, о бережном, быть может, нежном внимании к каждому настоящему таланту, звучит страстно и мощно.

— Почему вас интересует, скажем так, женская тема в классике? "Таланты и поклонники" словно бы третья часть некоей истории женской судьбы, начало которой проявилось в "Трех сестрах" и в "Месяц в деревне"? А потом в "Пленном духе", далее в спектакле совсем современном — "Пробное интервью на тему свободы" по пьесе М. Арбатовой?

— Иначе и быть не могло. Женщина — всегда тайна. К тайне влечет. В женщине — и самое высокое, и самое худшее. Она дает толчок поведению мужчины. И вот чего в ней больше, добра или зла — загадка из загадок. Из-за любви к ней, какое поле вокруг возникает? Вроде бы любовь возвышенное чувство. Но что оно несет — разрушение или созидание? Как понимать власть любви? Страх любви — что это? Где границы любви? Или это самолюбие? Или эгоизм? Есть любовь, но есть и бесы, страсти. У нас еще и "Ревность" идет Михаила Арцибашева. Ревность — страшное чувство? Видите, сколько вопросов. Не четыре-пять спектаклей нужно ставить, а сорок пять.

Да, "Таланты и поклонники" в том же русле. И конечно, нам не хотелось окарикатуривать двух героинь пьесы Островского. А сколько я видел на своем веку разных упрощений! Сбиться со счета. Это продолжение разговора о сложности женской природы, об искушении деньгами, вообще — о самых разных искушениях. И опять — смех и слезы, радость и печаль рядом.

Театральная наша ситуация пять лет назад держалась на тотальном разрушительстве, на ненависти ко всему, что было. В том числе и на негативном отношении к человеку. Арцибашев развернул забуксованную ситуацию на сто восемьдесят градусов. В спектаклях по классике он начал искать свет в человеке. И это — ключ к успеху.

Беседовала Елена СТРЕЛЬЦОВА

● Сцены из спектаклей "Женитьба", "Три сестры";
● Сергей Арцибашев.